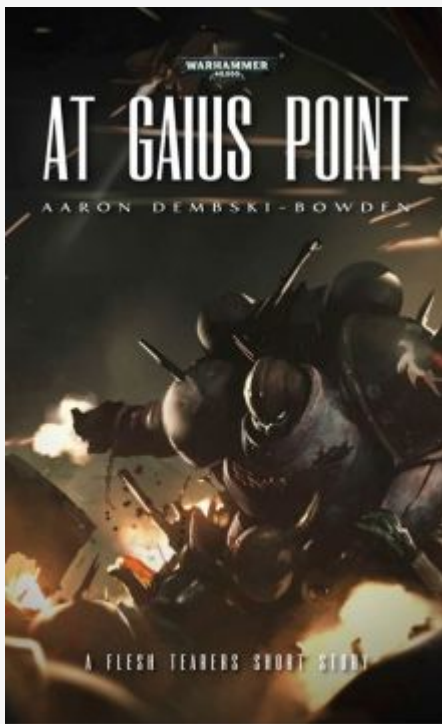

У Пика Гая / At Gaius Point (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

У Пика Гая / At Gaius Point (рассказ)

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	Ггийюрр Агирш Авгёрч
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Легенды Космического Десанта / Legends of the Space Marines Война за Армагеддон: Омнибус / War for Armageddon: The Omnibus
Год издания	2010
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Содержание

- I
- II
- III
- IV
- V
- VI

I

Воспоминания об огне. Пламя и падение, испепеление и уничтожение. Затем тьма.

Абсолютная тишина. Полное ничто.

II

Я открыл глаза.

Передо мной была разбитая металлическая стена, контуры которой очерчивал прокручивающийся белый текст на прицельном дисплее. Готическая архитектура — голые стены, чьим изгибам придавали форму подобные рёбрам чёрные стальные брусья. Стена была накренившейся и искореженной. Даже продавленной.

Я не знал, где я, но мои чувства омывали ощущения. Я слышал потрескивание огня, который пожирал металл, и сердитый гул работающего боевого доспеха. Звук искажало, в обычно ровном гуле звучали помехи или картавость. Получены повреждения. Мой доспех пробит. Взгляд на биодисплей обратной связи показал небольшие повреждения пластин брони на запястье и голени. Ничего серьёзного.

Я чувствовал близости пламя и прогорклый привкус плавящейся стали. Чувствовал своё тело: пот, химикаты, которые были впрыснуты в плоть доспехом, и опьяняюще густой запах собственной крови. Крови бога.

Очищенной и оскудевшей из-за использования в венах смертных, но всё равно крови бога. Мёртвого бога. Убитого ангела.

От этой мысли мои зубы сжались в ворчливом проклятии, а клыки заскрежетали по нижним зубам. Достаточно слабости.

Я приподнялся, мускулы болевшей плоти вздулись в унисон с фибросвязками псевдомускулов доспеха. Я был знаком с таким ощущением, но оно казалось неправильным. Я должен был быть сильнее. Должен был упиваться своей силой — окончательным сплавом биологической мощи и могущества машины.

Я не чувствовал себя сильным. Не чувствовал ничего, кроме боли и мгновенной дезориентации. Боль сконцентрировалась в моих лопатках и позвоночнике, отчего спина превратилась в колонну тупого болезненного жара. Ничего не было сломано — это уже подтвердили биопоказатели. Такое напряжение мускулов и нервов убило бы обычного человека, но мы были генетически переделаны в высших существ.

Слабость уже отступала. Мою кровь жалил поток адреналиновых стимуляторов и ускоряющих наркотиков, который мчался по венам.

Моим движениям ничего не препятствовало. Я поднялся на ноги медленно — из-за осторожности, а не слабости.

Я осмотрел обломки вокруг сквозь успокаивающую изумрудную пелену зелёных линз шлема.

Помещение наполовину обрушилось, когда стены перекошились. Фиксаторные троны вырвало из пола. Обе ведущие из зала переборки были сорваны из петель и висели под острым углом.

Должно быть, столкновение было ужасным.

Это... столкновение?

Падение. Наш «Громовой Ястреб» разбился. Ясность воспоминаний пугала... ощущение падения с неба, на мои чувства накатил гром удара, а корабль всё это время трясся. Показатели температурных счётчиков на моём ретинальном дисплее медленно повышались, когда двигатели взрывались и опалили корпус, а системы доспеха регистрировали пылающее падение ударного корабля.

Затем последний раскат, подобный рёву карнозавров его родины, громкий и первобытный, словно вызов короля-ящера, и всё содрогнулось до основания. Ударный корабль вонзился в землю.

А потом... Тьма.

Я пробежался глазами по хронометру на ретинальном дисплее. Был без сознания почти три минуты. Я понесу эпитимью за подобную слабость, но это подождёт.

Теперь я глубоко вздохнул, чувствуя в воздухе дым и пепел, но они мне не вредили. Воздушные фильтры в решётке шлема делали меня иммунным к таким тривиальным проблемам.

-Завьен, — протрещал голос в моём ухе. Мгновенное замешательство от звуков. Либо вокс-сигнал был слаб, либо доспех отправителя был тяжело повреждён. В разбитом корабле могло быть правдой и то, и другое.

— Завьен, — вновь сказал голос.

В этот раз я обернулся на имя, когда понял, что оно моё.

Завьен шагнул в кабину, удерживая равновесие на накренившемся полу благодаря простой комбинации естественной ловкости и суставных стабилизаторов доспеха.

Кабина пострадала даже сильнее подсобного помещения. Несмотря на прочность усиленного пластика, смотровое окно было расколото так, что его нельзя было восстановить. Алмазные осколки выбитого псевдостекла сверкали на покорёженном полу. Троны пилотов были вырваны из опор и разбросаны, словно мусор во время бури.

Сквозь лишившийся стекла иллюминатор не было видно ничего, кроме земли и сучковатых чёрных корней, большая часть которых рассыпалась по безжизненным панелям управления. Падение было достаточно сильным, чтобы нос ударного корабля погрузился в землю.

На панели управления лицом вниз растянулось изувеченное тело пилота — Варлона. Прицельная сетка

Завьена зафиксировалась на помятом доспехе его брата, а вторичные метки выделили раны и трещины в деактивированном боевом облачении. Кровь, густая и тёмная, текла из порезов в шее и сочленениях поясницы Варлона. Она медленно струилась по изувеченной панели и капала на кнопки и рычаги.

Силовая установка была отключена. Жизненные показатели невозможно было прочитать, но всё и так было достаточно ясно. Завьен не слышал сердцебиения в теле, и если бы пилот был жив, то его генетически усиленное тело запечатало бы свернувшейся кровью все раны, кроме самых ужасных. И он бы не продолжал истекать кровью на системы управления сбитого ударного корабля.

— Завьен, — голос раздался вновь и теперь не по воксу.

Расчленитель отвернулся от Варлона, а в его доспехе зарычали суставные сервомоторы. Там, придавленный обломками упавшей стены, лежал Драй. Завьен подошёл к поверженному воину и увидел истину. Драй был не просто придавлен. Он был приколот.

Чёрный шлем сержанта был опущен, подбородок прижат к воротнику, зелёные глаза глядели на сломанного имперского орла на груди, где зазубренный обломок пробил тёмный доспех, покорёженная сталь пронзила Драю сквозь наплечник, руку, бедро и живот. Кровь сочилась из решётки-громкоговорителя шлема. Вспыхнувшие на визоре Завьена биометрические дисплеи поведали уродливую историю, конец которой был близок.

— Докладывай, — сержант Драй говорил как и обычно, словно ситуация была наиболее будничной из тех, которые можно представить.

Завьен опустил на колени перед пронзённым воином, борясь со страстным желанием ощутить кровь павшего в глотке и на дёснах. В груди Драя неровно и слабо бился единственный пульс. Одно из его сердец остановилось, вероятно, его затопило внутреннее кровоизлияние, или оно разорвалось, когда обломки пронзили тело. Второе мужественно стучало совершенно неритмично.

— Варлон мёртв, — сказал Завьен.

— Дурак, я сам это вижу, — сержант протянул ту руку, которая не была наполовину оторвана у предплечья, и вцепился негнущимися пальцами в сочленение воротника под шлемом. Завьен потянулся, чтобы помочь, и открыл гермоуплотнитель. Шлем со змеиным шипением упал на руки Расчленителя.

Резкое лицо Драя, покрытое вмятинами и шрамами, которые он заслужил за двести лет сражений, было мокрым от крови. Сержант усмехнулся, продемонстрировав розовые от крови зубы и порванные дёсны, — Дисплей моего шлема повреждён. Скажи мне, кто ещё жив.

Завьен видел, почему он был повреждён — обе глазные линзы треснули. Он отбросил шлем сержанта и морганием нажал на рунную икону, которая вывела жизненные показатели остального отделения на ретинальный дисплей.

Варлон был мёртв, а его доспех был обесточен. Подтверждение этому было прямо перед глазами Завьена.

Гаракса тоже больше не было, а его доспех передавал черту диаграмм с плоскими линиями показателей. Судя по дальномеру, он был не больше чем в двадцати метрах. Вероятно, Расчленителя выбросило наружу в момент столкновения, и он погиб от удара.

Драй умирал прямо здесь.

Ярл был...

— Где Ярл? — сквозь вокс-громкоговорители шлема раздался резкий и гортанный голос Завьена.

— Он сбежал, — Драй тяжело втянул воздух сквозь сжатые зубы. Отказывающие системы доспеха впрыскивали в кровь обезболивающие наркотики, но раны были тяжёлыми и смертельными.

— Судя по моему дальномеру, он на расстоянии километра.

Пусть он и был ненадёжен по сравнению с системой слежения ауспекса, но достаточно точен, чтобы дальномеру можно было доверять.

Сержант схватил Завьена за запястье здоровой рукой и пристально посмотрел в глаза брата неистовым налитым кровью взором, — Найди его. Что бы ни потребовалось, Завьен. Схвати его, даже если потребуется убить Ярла.

— Будет сделано.

— Потом. Ты должен вернуться, потом, — Драй сплюнул на свою грудь, запятнав кровью сломанного имперского орла, — Вернуться за нашим геносеменем.

Завьен кивнул и поднялся. Расчленитель чувствовал, как пальцы сжимаются от желания обнажить оружие, когда выскользнул из кабины, не оглядываясь на сержанта, которого никогда больше не увидит живым.

Ярл очнулся первым.

Точнее, Ярл просто не терял сознания при ударе, поскольку оковы удерживали его лучше, чем стандартнее пехотные троны.

В грохочущей тряске падения Ярл видел, как Гаракса вышвырнуло через дыру, на месте которой мгновение назад была стена. Он слышал ужасный влажный треск расколотого позвоночника, когда брат ударился о края пролома по пути наружу. И видел, как Завьена вырвало из фиксаторного трона, а затем он приложился боком о переборку кабины и без сознания сполз на пол.

Окружённый силовой клеткой вокруг смиренного трона Ярл видел происходящее вокруг сквозь молочный мерцающий экран электрической энергии, но при падении был защищён от худшего.

Ах, но эта защита долго не продержалась. Пока корабль был неподвижен, его братья безмолвны, а вокруг «Громовой Ястреб» трещал и горел в разломе, который выбил в земле, Ярл отодрал последние скобы и перелез через обломки того, что было тронном с силовым полем. Сама машина, чей генератор дымился, смердела пленом. Ярл хотел оказаться от неё подальше.

Он покосился на Завьена, украл ближайшее оружие, которое смог найти среди хаоса места падения, и убежал в джунгли.

Он должен был исполнить свой долг. Долг перед Императором. Своим отцом.

Клинок и болтер Завьена пропали.

Без сожаления он взял оружие Драя из маленькой оружейной комнаты за транспортным отсеком,

схватив реликвии безо всякого почтения, которое выказал бы им при других обстоятельствах. Время было важнее всего.

Совершив необходимую кражу, Завьен выкарабкался из обломков ударного корабля, спрыгнул на землю и покинул изломанный корпус. В одной руке был работающий на холостом ходу пилотопор, в рукояти которого мотор мрачно хихикал в ожидании момента, когда его наполнят ревушей жизнью. В другой руке был болт-пистолет, на обугленной поверхности которого было выцарапано больше сотни рун убийств.

Завьен не стал горестно размышлять, глядя на дымящийся труп своего ударного корабля. Он знал, что вернётся сюда, чтобы собрать генетическое семя падших, если переживёт охоту.

Для сантиментов не было времени. Ярл сбежал.

Завьен побежал, и сочленения его доспехов зарычали от быстрого движения, когда Расчленитель помчался за своим непутёвым братом в глубины джунглей Армагеддона.

III

Они называли его Армагеддоном.

И возможно были правы. На этой планете было нечего любить.

Если у этого мира когда то и была дикая красота, то она давно умерла, задохнулась от бесконечных выбросов факторий, которые изрыгали чёрный смог в небеса. Само небо было достаточно уродливым — серовато-жёлтый саван слабого яда, который окружал задыхающийся мир. Дожди шли не из воды. С небес капала кислота — разбавленная, слабая и странно едкая, как змеиная моча.

Кто мог здесь обитать? В такой нечистоте. Воздух, который пахнет серой и машинным маслом. Небо цвета инфекции. Люди, те самые души, ради спасения которых мы сражаемся, являются существами с мёртвыми глазами и без страстей или жизни.

Я не понимаю их. Они приветствуют своё рабство. Принимают заточение внутри огромных фабрик, которые наполнены воющими машинами. Возможно, они просто никогда не знали свободы, но это не оправдывает действия, как у сервитора с убитыми мозгами.

Мы боремся за эти души, потому что нам говорили, что это наш долг. Мы умираем, продавая жизни в величайшей войне, которую когда-либо знал этот мир, чтобы спасти их от собственных слабостей и позволить им вернуться к своему беспросветному существованию.

Эти джунгли... Джунгли есть на моём родном мире, но они иные.

Джунгли родины насыщены жизнью. Паразиты кишат в каждой луже мутной воды. Насекомые выдалбливают огромные деревья, чтобы построить разрастающиеся ядовитые ульи. Воздух, в котором уже кишат жалящие мухи, становится кислым от змеиного запаха опасности, а земля содрогается от шагов рыщущих хищных королей-ящеров.

Выживание — величайшая победа, которую можно достигнуть на Кретации.

А эти джунгли едва заслуживают своё имя. Земля — липкая грязь, по которой ты идёшь по колено в

серной тине. Неопрятные живые существа, которые вдыхают нечистый воздух, слабые и раздражающие, недостойны сравнения с угрозами моего мира.

Конечно, в джунглях есть опасность, которая даже отдалённо неестественна для самой планеты. Они кишат худшим видом вредителей.

Планета бьётся в муках нашествия, и я слишком хорошо понимаю, что сбило наш «Громовой Ястреб».

Впереди охотилась стая.

Как только он услышал их свинячье рычание и лающий смех, язык Ярла свело в предвкушении сырого и медного. Зубы зазудели в дёснах, и он ощутил их пульс в мягкой ткани вокруг резцов.

Его шлёпающий по грязи бег сменился дикой походкой, а пиломеч в руках рычал каждый раз, когда пригнувшийся Ярл нажимал на рычаг. Мелкокалиберный огонь затрещал в его направлении ещё до того, как Ярл показался из-за линии деревьев. Расчленитель специально сделал так, чтобы они узнали, что он придёт.

Ярл игнорировал металлический ливень из небольших пуль, которые лязгали по его доспеху. Деревья расступились и открыли его добычу — шестеро сидели на корточках вокруг танка, который был сделан из найденного ржавого металлолома.

Зеленокожие. Их толстодулые пистолеты громко грохотали вразнобой, а мерцающие вспышки выстрелов освещали звериные лица.

Ярл видел совершенно иное. Его зрение, отфильтрованное ретинальными целеуказателями, показывало лишь то, что отражалось в умирающем разуме Ярла. Гораздо более великие враги, древние рабы Губительных Сил, пировали телами убитых лоялистов. Там, где бежал Ярл, небо было не цвета молочно-жёлтого гноя, но глубоко синего заката на древней Терре. Он не шлёпал по чёрной воде топи, а гордо шагал по золотым укреплениям, пока мир вокруг погибал в буре еретического пламени.

Ярл ринулся в бой, и сквозь громкоговорители шлема раздался резкий и оглушительный вопль. Гортанный рёв пиломеча достиг пика за мгновение до того, как он обрушился на плечо первого орка.

Восхитительная ярость вновь принесла тьму, но на этот раз она была мокрой от благословенного святого красного...

Завьен услышал звуки бойни. Его бег сломя голову сквозь растения ускорился десятикратно. Если он сможет догнать Ярла, поймать до того, как его брат достигнет имперских позиций, то Завьен сможет предотвратить катастрофу — невинную кровь и чернейший позор.

Его красно-чёрный доспех — тёмно-красная артериальная кровь и чернота пустоты между мирами — был месивом сгоревших символов, серебряных пробоин там, где при падении содрало краску с поверхности керамики, и растёкшихся брызгов грязи, когда Завьен мчался через болота.

Но необходимость придаёт силу усталым рукам и ложным мускулам помятой брони того, кто несёт на своих плечах гордость ордена.

Завьен ворвался на поляну, на которой сражался брат. Он сжал указательные пальцы — одним выпустил

в спину своего брата шквал болтерных снарядов, а вторым наполнил пилотопор кружащейся смертоносной жизнью.

— Ярл!!!

Предательство.

Что же это за безумие? Быть поверженным одним из своих сынов? Сангвиний, Ангел Крови, отвернулся от искажённых демонов, которых убил и расчленил. Его имя выкрикивал один из сыновей, который мчался по золотым зубчатым стенам, когда небо над головой горело.

Примарх закричал, когда раздался гневный голос оружия его сына. Болты разбивались об его величественную броню. Собственный сын, один из любимых Кровавых Ангелов, пытался его убить.

Такого не могло быть.

И в это мгновение Сангвиний решил, что и не было. Здесь была ересь, а не неверность. Богохульство, а не открытое предательство.

— *Что за порча охватила тебя!? — закричал Ангел на своего лживого сына, — Какое извращение очернило душу Кровавого Ангела и заставило служить Архиврагу?*

— *Сангвиний! — закричал предавший сын, — Отец!*

Завьен вновь прокричал имя Ярла, не зная, слышит ли его на самом деле брат. Крики, которые раздались в ответ из вокс-усилителей, заставили похолодеть кровь Завьена — ревушая, грохочущая литания на архаичном Высшем Готике и языке Ваала, который Ярл никогда не учил.

Братья встретились в окружении изувеченных тел мёртвых зеленокожих. Ярл блокировал первый удар Завьена, ударив пиломечом плашмя по рукояти его топора. Доспех Ярла был покрыт трещинами и дымящимися дырами от попаданий болтов, но его сила была невероятной. Со смехом, который казался почти чужим, Ярл отшвырнул Завьена.

Потеряв равновесие от безумного пыла своего брата, Завьен отступил — перекатился в боевую стойку и припал к земле по голень в воды топи.

Ярл вновь прокричал что-то на пугающем древнем диалекте — слова, которые Завьен узнал, но не понял. Как и Ярл, он никогда не учил ваальский и не изучал форму Высшего Готика, на которой говорили десять тысяч лет назад.

— *Сын мой, пусть это не будет твоим концом. Присоединяйся ко мне! Мы сразимся с Гором и утопим злые амбиции в крови его порченных воинов!*

Сангвиний снял шлем — знак чести и доверия, несмотря на то, что вокруг бушевала война — и покровительственно улыбнулся непутёвому сыну. Его сострадание было легендарным. А честь не вызывала сомнений.

— *В этом нет нужды, — с царственной улыбкой сказал Ангел Крови, — Присоединяйся ко мне! К моему отцу! За Императора!*

Завьен уставился на своего брата, едва узнавая лицо Ярла в слюнявом оскале отвисшей челюсти, которая встретила его взгляд. Лицо брата было красным от сверкающей влаги, которая катилась из кровотокащих глаз.

Бессмысленная череда слов загрохотала из истекающего кровью рта Ярла. Казалось, что он задыхался собственным безумным смехом.

— Брат, — тихо сказал Завьен, — Ты больше не с нами.

Он встал на ноги и отбросил прочь опустевший болт-пистолет. Завьен сжал обоими руками в красных латных перчатках пилотопор и пристально посмотрел на брата, которого больше не знал.

— Ярл, я не твой сын и больше не твой брат. Я — Завьен, Расчленитель родом с Кретаии, и стану твоей погибелью, если ты не позволишь мне стать твоим спасением.

Ярл издал булькающий смешок, и кровавая слюна потекла с губ, когда он захрипел на языке, который не должен был знать.

— Ты опозорил мою линию крови, — с бесконечной печалью сказал Ангел, чьё богоподобное сердце раскалывалось от богохульства перед глазами, — Меня ждут Последние Врата. Тысяча твоих хозяев падёт от моего клинка прежде, чем они получат доступ в тронный зал Императора. Я больше не потерплю твоей затянувшейся ереси. Иди же, предатель. Время умирать!

Сангвиний расправил могучие белые крылья, перламутровые и яркие как солнечный свет среди огненной бури, которая бушевала на стенах. И со слезами на глазах, слезами отчаяния от предательства собственного сына, ринулся вперёд, чтобы покончить с этим богохульством раз и навсегда.

И я понял, что не смогу его одолеть.

Говорят, что когда нас делают теми, кто мы есть, когда мы отвергаем свою человечность и становимся орудием войны, страх вычищают из наших физических тел, а триумф впитывают наши кости. Это выражение, больше похожее на плохую поэзию, всегда приписывают воинам-проповедникам Адептус Астартес.

Верно, что поражение для нас анафема.

Но я не могу его одолеть. Он — больше не тот воин, с которым я тренировался десятилетиями, не брат, каждое движение которого я могу предвидеть.

Его пиломеч, всё ещё мокрый от зелёной крови, летит по дуге вниз. Я едва блокирую и уже соскальзываю назад по серной грязи. Я знаю причину. Я знаю о... действии генетических истин. Разум не может вместить его иллюзорную ярость. Ярл использует всё, что у него есть, всё, что наполняет его мускулы большей силой и тратит больше энергии, чем может позволить функционирующий разум. Я чувствую щелочную вонь его крови сквозь повреждения доспеха — системы затопили летальные дозы боевых наркотиков. В безумии Ярл не может остановить поток, который растворяется в его крови.

Сила, божественная мощь, убьёт его.

Но не достаточно быстро.

Второй отбитый удар, третий и четвёртый, который обрушивается на мой шлем, заблокированный удар головой, который треснул меня по наручу и сделал руку вялой, пинок, который молотом обрушился на нагрудник уже тогда, когда я отскакивал, чтобы уклониться.

Удар грома. Всё кружится перед глазами. Огонь в спине.

Думаю, что он сломал мне позвоночник. Я пытаюсь сказать его имя, но раздаётся лишь вопль.

Гнев, чёрный и цельный, чьи щупальца несут чистейшее намерение, подкрадывается на грани зрения.

Я слышал, как он хохотал и проклинал меня на языке, который не должен был знать.

А затем не слышал ничего, кроме ветра.

Сангвиний поднял предателя с пренебрежительной лёгкостью.

Над его головой метался и корчился богохульник. Ангел Крови гордо подошёл к краю золотых стен, смеясь и плача от побоища внизу. Это было трагедией, но в то же время было прекрасно. Человечество использовало свои величайшие силы и достижения для собственной гибели. Боролись сотни титанов, а миллионы людей умирали вокруг их железных пят. Небо было в огне. Весь мир пах кровью.

— Умри, — прекрасным шёпотом Ангел проклял вероломного сына и сбросил его с укреплений Имперского Дворца в круговорот войны в тысячах метров внизу.

Свободный от ноши и восстановивший честь кровной линии Ангел поспешил прочь. Он ещё не исполнил свой долг.

IV

Сознание вернулось вместе с первым ударом.

Резкий скрежет доспеха о скалу скалу вытолкнул Завьена из обморока в мрачную дымку почти бессознательного состояния. Чувствуя, что он падает вдоль обрыва, Расчленитель тяжело ударил рукой о скалу, вцепился керамитовой лапой в камень. Астартес хрюкнул, когда руки с треском выпрямились, принимая его вес, чтобы остановить беспорядочное падение.

Руны повреждения вспыхнули на ретинальном дисплее, язык суровой белой срочности. Завьен проигнорировал их, хотя труднее было игнорировать боль во всём теле. Её не могли полностью смыть даже впрыснутые из доспеха химические обезболивающие соединения и результаты притупляющей нервы хирургии. Плохой знак.

Он карабкался обратно на утес, сжав зубы, и латными перчатками пробивал опоры в камне там, где их не создала природа.

Поднявшись на вершину, Расчленитель подобрал обронённый пилотопор и, шатаясь, побежал.

Он меня почти убил.

Это было тяжело признать, потому что всю жизнь мы были равны. Мой доспех был повреждён, работал в пол мощности, но всё равно давал мне силы, когда я бежал. Позади меня остался одинокий разбитый танк зеленокожих, чей экипаж был убит, и некому было запускать оставшиеся ракеты, которые были нацелены в небо.

Пусть будут прокляты эти свинорылые твари за то, что сбили наш корабль.

Я продолжал бежать, набирая скорость и замедляясь лишь для того, чтобы срубить висящие растения на своем пути.

Я вспомнил топографию региона по голографическим картам на последнем военном совете. На западе был шахтёрский городок Сухополье. Испорченный гневом разум Ярла заставит его искать жизнь. Я знаю, куда он направится. Я также знаю, что если никто не замедлит Ярла...

Он доберётся туда первым.

Сестра Амалайя Д'Ворьен поцеловала бронзовый образок Святой Сильваны и позволила иконе ожерелья опасть на кожаном шнурке. Слабое полуденное солнце, чей свет пробивался сквозь тонкий загрязнённый облачный покров, тускло висело в небе и лишь изредка отражалось от боков «Прометия», прикомандированного к отделению танка отделения типа «Испепелитель».

Её некогда серебряный доспех теперь покрылся тусклыми серыми пятнами от контакта с грязным воздухом этого мира. Амалайя облизнула потрескавшиеся губы, сопротивляясь желанию выпить из фляжки воды внутри танка. Лишь час назад во время Второй Молитвы она утолила свою жажду глотком солоноватой воды, которую согрел работавший в холостую двигатель танка.

— Сестра, — позвала из-за турели «Испепелителя» Бриалла, — Ты видела это?

Амалайя и Бриалла были одни, пока остальные из отделения патрулировали окраины джунглей. Их танк расположился на грязной дороге, Амалайя кружила вокруг корпуса с болтером в руках, а Бриалла водила тяжёлыми огнемётами в направлении линии деревьев.

Амалайя прошептала литанию покорности долгу, коря себя за то, что позволила разуму блуждать среди мыслей о питании. Вскинув болтер на изготовку, она повернулась к носу «Испепелителя».

— Я ничего не вижу, — сказала Амалайя, прищурив глаза и сфокусировавшись, — Что это было?

— Движение. Нечто тёмное. Оставайся бдительной.

Интонация окрашивала последние слова Бриаллы. Тень неодобрения. Слабость Амалайи была замечена.

— Я ничего не вижу, — повторила Д'Ворьен, — Здесь... Нет, подожди. Вот.

Нечто вскочило и выпрыгнуло из-за растений у линии деревьев. Багрово-чёрное пятно с вращающимся пилотом. Амалайя мгновенно узнала Астартес, а через секунду — угрозу. Её болтер рывкнул один раз, второй и выпал из рук, упав в грязь. Там оружие вновь громко прогремело, обрушив болт на покатые пластины танковой брони.

Уже в момент последнего выстрела голова Амалайи слетела с плеч, и белые волосы поймали ветер прежде, чем истекающие кровью останки покатались по подлеску.

Бриалла с богохульством повернула огнемётную турель на протестующих механизмах и вывернула ручки, чтобы опустить оружие пониже.

Астартес баюкал безголовое тело Амалайи и что-то тихо ей рычал. Её сестра уже была мертва. Бриалла зажала оба спусковых крючка.

Два сгустка вонючего химического пламени с рёвом вырвались из орудий, омыв Амалайю и Астартес цепким едким огнём. Бриалла уже шептала похоронную песнь о своей павшей сестре, пока доспехи и кожа выгорали на костях Амалайи.

Сквозь оранжевые вонючие миазмы ничего не было видно. Бриалла остановила струны пламени семь ударов сердца спустя, потому что знала, что всё омытое огнём будет аннигилировано, очищено пылающей бурей. Амалайя. Её доспех обуглился, сочленения сплавились, а руки стали почерневшими костями. Сгоревшая сестра лежала на земле.

На крыше танка позади Бриаллы раздался глухой громкий стук. Она повернулась в фиксаторном троне, а более медленная турель совершала оборот, чтобы последовать за её взором. Бриалла уже пыталась выкарабкаться из сидения.

Астартес горел. Святое пламя лизало края его боевого доспеха, а от сочленений шёл пар. Астартес заслонил солнце, отбросив на Бриаллу мерцающую тень. Его доспех был чёрным, обуглившимся, но не испепелённым. Когда Бриалла вырвалась из ремней, Астартес нацелил в её лицо истекающий чем-то пиломеч.

— Расчленители! — закричала Бриалла во встроенный в латный воротник доспеха микровокс, — Эхо Пика Гая!

Её убийца прошептал пять слов на Готике с древним акцентом, — Ты заплатишь за свою ересь.

Я наблюдал из тени деревьев.

Сороритас были напряжены. Пока одна совершала погребальные ритуалы над мёртвыми телами своих сестёр, три других крались вдоль корпуса серого танка с болтерами наизготовку и смотрели на джунгли сквозь прицелы.

Я чувствовал трупы под белыми плащаницами. Одна сгорела, зажарилась в прометиевом химическом огне. Вторая сильно истекала кровью, прежде чем умерла, разорванная в клочья. Мне не нужно было видеть останки, чтобы знать, что это правда.

Сейчас я, присев, прятался. Джунгли скрывали постоянный гул активного силового доспеха от их слабых смертных ушей, в то время как я слышал фрагменты их речи.

След Ярла остывал, даже запах его могучей крови терялся среди миллиардов запахов серных джунглей. Мне нужна концентрация. Направление.

Но я проклял свою удачу, как только приблизился достаточно близко, чтобы увидеть серо-стальные доспехи сестёр и символы верности, которые носили все.

Орден Серебряной Плащаницы.

Они были с нами у Пика Гая.

Эхо той битвы будет преследовать нас всех до последних ночей ордена.

— Мой ауспекс что-то засёк, — я услышал, когда одна обратилась к своим сёстрам, и приготовился двигаться вновь — постыдно бежать. Я не мог оказаться с ними лицом к лицу, поскольку они не должны были узнать о нашем присутствии.

— Нечто живое, — сказала она, — и с силовой сигнатурой.

— Расчленитель! — закричала одна из сестёр, и кровь застыла в моих венах. Я ощутил не страх, но липкий настоящий ужас, когда она использовала святое имя нашего ордена. Как они узнали?

— Расчленитель! Покажись! Встреть возмездие Императора за варварство твоего порченного ордена!

Я стиснул зубы. Пальцы задрожали, а затем плотнее сжали пилотопор. Они знали. Знали, что это сделал Расчленитель. Должно быть, их предупредили жалкие убитые сёстры.

Голос другой женщины, той, которая несла сканер-ауспекс, прибавился к крикам первой, — Мы были у Пика Гая, упадочная мразь! Встреть нас и кару за свою ересь лицом к лицу!

Они знали, что произошло у Пика Гая. Видели наш позор, проклятие и кровь, которая пролилась в тот день.

И поверили, что я зарезал двух сестёр, а теперь возложили на мои плечи грехи моего брата Ярла. Раздались выстрелы. Болт промелькнул мимо моего наплечника, разрывая растения.

— Я вижу его, — провозгласила женщина, — Вон там!

Я погладил указательным пальцем активационную руну на рукояти пилотопора. И зажал её после длившихся удар сердца сомнений. Зазубренные жужжащие зубья яростно закружились. Оружие резало воздух в предвкушении мгновения, когда оно вгрызётся в плоть.

Они посмели обвинить в это меня...

И начали стрелять.

Я — не еретик.

Но этому должен прийти конец.

V

Завьен добрался до Сухопожья как раз к заходу солнца.

Три часа назад он оставил джунгли позади. Бег одинокого воина подошёл к концу у укреплённых стен — снаружи шахтёрского поселения не было слышно ни звука изнутри, лишь отчаянный вой ветра в пустошах.

Он окликнул стены и позвал часовых, но так и не услышал ответа.

Врата поселения были запечатаны: высокая груда стальных балок, древостружечных плит и даже мебели была временно навалена за двойными дверям в окружающей деревянной стене. Эти жалкие

укрепления были попыткой колонии укрепить стены против носившихся по планете орочьих орд.

У Завьена не было ни времени, ни желания вышибить ворота, поэтому он закрепил магнитом топор на спине и, выбивая себе опоры в металлической стене, полез к парапету в пятнадцати метрах наверху.

Деревня была скоплением одноэтажных зданий, возможно достаточных для того, чтобы вместить пятнадцать семей. В центре подобно старому шраму тянулась старая колея — свидетельство проезда конвоев снабжения, которые забирались так далеко от основных ульев, и рудных тягачей, чьи водители зарабатывали на местной медной шахте. На низкокачественный металл был большой спрос у обнищавших горожан, которые не могли позволить себе лучшего.

Самое большое здание — точнее, единственное, которое было чем-то большим, чем построенная из мусора лачуга — было церковью со шпилем, которую украшали грубо вырезанные горгульи.

Завьен осознал всё это за удар сердца. Астартес осмотрел обветшалые зубчатые стены вокруг деревни, а затем повернулся, чтобы взглянуть на само поселение.

Ни следа движения.

Он сошёл с платформы, упал на пятнадцать метров и приземлился на корточки, сохранив равновесие.

Меньше чем через минуту Завьен наткнулся на первое тело.

Женщина. Безоружная. Тяжело приваливавшаяся к стене хибарки, которая была украшена кровавым подтёком. Она была разрублена почти пополам.

Широкие улицы между ветхими лачугами и домами были украшены кровавыми следами там, где по земле тащили нечто тяжёлое. Кто бы ни пришёл сюда и убил колонистов, он затащил тела в скромный храм с выбитыми окнам и ржавыми стенами из фанеры красного железа.

Ретинальный локаторный дисплей Завьена наконец-то уловил слабые следы доспеха Ярла. Внутри был его брат, который больше не бежал. И, судя по тишине, больше не убивал.

Расчленитель прошёл мимо безоружного трупа, неподвижного в безжизненном покое, убитого его же мечом в руках брата. Завьен видел такое раньше — и эти образы он не забудет никогда, пока будет дышать.

Он ощутил, как холодный липкий стыд бежит по крови подобно токсину. Совсем как у Пика Гая.

Так не должно было быть.

У Пика Гая.

Так никогда не должно было быть.

В ту ночь они прокляли себя навечно.

Это должно было стать триумфом, достойным того, что быть выгравированным на доспехе каждого из воинов, которые там сражались.

Имперскую линию фронта удерживало ополчение Пика и орден Серебряной Плащаницы, который сплотил население городка в пустошах в вооружённые отряды и поднял мораль до пылких высот

церемониями и благословениями именем Бога-Императора.

Зеленокожие обрушились многотысячной стаей и бросились на баррикады города, их тела сформировали настоящее море из вызывающего воя, кожистой плоти и секущих клинков.

На пике битвы сёстры и ополчение были почти опрокинули. Наконец, когда это было нужнее всего, пришёл ответ на отчаянные сигналы тревоги Пика Гая.

Они прибыли на «Громовых Ястребах», чьи двигатели выли, когда они парили на сражающейся ордой. Ударные корабли целовали землю ровно столько, сколько потребовалось для высадки сил: почти двухсот Астартес в артериально-красных и угольно-чёрных доспехах. Грохочущий рёв столь многих пилотинков слился в неровный разрывающий уши хор, который прозвучал как боевой клич механического бога.

Завьен был в первой волне. Вместе с Ярлом и другими братьями он рубил направо и налево, скрежещущие зубцы его клинка вгрызались в броню и окровавленную грибную плоть, когда сыны Сангвиния пожинали жизни чужаков.

Зажатых между молотом и наковальней орков вырезали десятками, истребляли сзади и расстреливали спереди.

Завьен не видел ничего, кроме крови. Крови ксеносов, смрадной и густой, которая расплескалась по его шлему. Запах триумфа, вонь ликующей победы

Он также одним из первых добрался до баррикад.

К тому моменту Завьен не мог видеть. Не мог думать. Его чувства затопили стимулы: болезненные, соблазнительные и сводящие с ума. Он попытался заговорить, но слова сорвались с его губ как вопль в загрязнённые небеса. Даже дыхание лишь втягивало густой запах чуждой крови глубже в тело, распространяло его внутри. Насыщение порчей ксеносов разожгло пламя в разуме Завьена и застучало по генетически глубокой ярости, которая всегда угрожала его захлестнуть.

Влекомый неодолимым стремлением утопить чувства в чистоте вражеской крови Завьен расчленил последнего орка перед собой и перепрыгнул через баррикады. Он был должен убивать. Должен. Завьен был рождён только для этого.

Завьен и его братья сражались в неистовом ближнем бою два часа. Враг был истреблён. Но ликующие крики ополчения умерли в тысячах глоток, когда подобно волне вокс-воплей и воющих пилотинков половина Расчленителей проломилась через баррикады и устремилась в город.

Когда не осталось врагов, Астартес обратили свой гнев на всех, кто выжил.

Ангел оплакивал убитых.

Их смерти были мрачной необходимостью на пути к спасению. Молитвы, которые он пел под сводом тронного зала Императора, вызывали слёзы в глазах Сангвиния и смотревших на него тысяч верных солдат.

— Мы должны сжечь убитых, — прошептал он сквозь серебряные слёзы, — Мы должны навеки запомнить тех, кто умер сегодня, и порок, который отвратил их сердца от нас.

— Сангвиний! — позади раздался крик. Он эхом пронёсся по залу, в чьём неподвижном воздухе висели миллионы знамён всех подразделений, которые когда-либо клялись сражаться и умирать ради молодого Имперуума человечества.

Ангел склонил голову на бок — само воплощение терпеливой чистоты.

— Я думал, что убил тебя, еретик.

— Ярл!

Хрипя и бормоча сквозь повреждённую ротовую решётку, из которой текли струйки кровавой слюны, Ярл шатаясь обернулся навстречу брату.

То, что полилось из его рта, было мокрой от крови в горле помесью слов различных языков. Химический смрад тела Ярла обрушился на чувства Завьена ещё до запаха обгорелых доспехов брата и вони павших. Ярла заживо пожирала затопившие тело боевые наркотики.

Завьен просто смотрел несколько секунд после того, как позвал брата по имени. Повсюду на полу церкви валялись мёртвые — спящая паства зарезанных. Примерно сотня — после бойни сюда приволокли всех. Или, возможно, что многие были на службе, и лишь половину пришлось тащить. Пол избороздили липкие кровавые полосы.

— Сжечь тела, — сказал Ярл на ворчливом кретацбийском, языке общего родного мира, среди череды слов, которые Завьен не мог разобрать, — Очистите грехи, сожгите тела, очистите дворец.

— Сейчас это закончится, Ярл.

Затем раздалась лающая слоги — текучая помесь уничтоженных слов.

Ангел воздел свой золотой клинок.

Он был так глуп. Это был не обычный еретик. Как он мог быть слеп всё это время? Да... Махинации порченных предателей скрывали истину от его золотых глаз. Но сейчас... Сейчас Ангел видел всё.

— Да, Гор, — сказал он с улыбкой, которая говорила о бесконечном сожалении, — Сейчас это закончиться.

VI

В осквернённом храме встретились братья, чьи сапоги скользили по мокрому от крови невинных мозаичному полу. Скулящий рёв пилоклинков перемежался грохотом при столкновении оружия. Зубцы раскалывались с каждым блоком и парированием, вырывались из гнёзд и с грохотом отлетали в деревянные скамьи.

В теле Завьена колотилась кровь, зудящая от электрического привкуса боевых стимуляторов. Ярл стал тенью воина, которым был ранее — с пеной у рта бессвязно кричал несуществующим союзникам и был наполовину искалечен летальной передозировкой боевых наркотиков, которые выжигали органы.

Завьен блокировал неистовые дрожащие рубящие удары брата. Каждый раз, когда опускался топор, он высекал новый разлом в доспехах Ярла. И, в конечном счёте, лишь один воитель был достаточно вменяем, чтобы понять, что это никогда не решить пилотклинками.

С последним блоком и неистовым ответом Завьен отбросил клинок Ярла прочь и пинком выбил его из рук брата. Его двигатель запнулся, упокоился на покато́м полу. Ярл наблюдал за полётом пилотмеча размытыми кровоточащими глазами.

Прежде, чем он пришёл в себя, руки Завьена оказались на шее Ярла. Расчленитель надавил, вцепился руками в шею брата, продавил более тонкие сочленения доспеха и стиснул плоть.

Ярл рухнул на колени, когда брат начал его душить. Генетически усиленная физиология Ярла была отравлена проклятьем и наркотиками, и перед глазами Расчленителя начало темнеть, когда его тело не выдержало мук.

Темнеть, но проясняться.

Лишённый воздуха, не способный вдохнуть даже клочок воздуха, Ярл губами произнёс беззвучное слово, которое никогда не покинуло пределов обуглившегося шлема.

— *Завьен!!!*

Завьен дёрнул в сторону, ломая брату позвоночник и продолжая давить.

Он простоял так некоторое время. Ночь опустилась прежде, чем латные перчатки разжались, и тело Ярла тяжело опустилось на землю.

Здесь упокоился безумец, уснул среди тех, кого убил.

— *Сделано*, — произнёс Завьен по вокс-каналу отделения и закрыл глаза, когда ему ответила лишь тишина, — Ярл мёртв, братья. Дело сделано.

Он решил закончить то, что начал его брат. Даже в безумии скрывалось немного здравого смысла.

Тела нужно было сжечь. Не для того, чтобы очистить их от воображаемой ереси, но чтобы скрыть доказательства произошедшего.

Так не должно было быть. Ни здесь, ни у Пика Гая. Они прокляли себя, и Расчленителям осталось только сражаться так верно, как они могут, пока их всех не настигнет праведное возмездие.

Пока церковь горела, наполняя густым чёрным дымом загрязнённые небеса, со стороны горизонта донёсся грохот двигателей.

Орки. Наконец-то сюда добрался враг.

Завьен с топором в руке стоял среди пламени, которое не трогало его. Огонь приманит чужих. Расчленитель никак не мог защитить против них целую деревню, но мысль пустить и вкусить их кровь перед смертью разожгла смертоносный пыл.

Его клыки засадило, когда машины остановились снаружи.

Нет.

Звуки двигателей были слишком чистыми, слишком хорошо обслуживаемыми. Это был враг. Но не зеленокожие.

Я вышел из церкви со сломанным топором в руках.

Их было двенадцать. Они вскинули болтеры в человеческом унисоне впечатляющем даже при том, что в нём не хватало совершенства единства Астартес. Серебряные корпуса танков и доспехи сверкали оранжево-красным в свете пламени, которое должно было скрыть наши грехи.

Двенадцать целилось в меня.

Жажда отступила. Желание ощутить кровь застряло в глотке и внезапно стало игнорируемым.

— Мы были у Пика Гая! — закричала предводительница сестёр. Они прищурили глаза от сверкающего за моей спиной пламени.

Я не двигался. Просто сказал им:

— Я знаю.

— Мы подали Инквизиции прошение об уничтожении твоего ордена, Расчленитель.

— Знаю.

— Еретик, это всё, что ты можешь сказать? После Пика Гая? После убийства отделения нашей сестры Амалайи Д'Ворьен? После того, как ты вырезал целую деревню?

— Вы пришли, чтобы свершить правосудие, — сказал я, — Так сделайте это.

— Мы пришли, чтобы защитить колонию от твоего постыдного богохульства!

Они всё ещё боялись меня. Даже когда превосходили меня численно, а я был вооружён лишь расколотым топором. Я чувствовал это в их запахе, слышал в голосах и видел в широких глазах, в которых сверкали отблески пламени.

Я посмотрел через плечо на пылающее наследие Ярла. Янтарные искры вылетали из пламени. Погребальный костёр моего брата — подтверждение того, во что мы превратились. Памятник тому, как низко пали мы.

На Кретации мы сжигаем умерших. Ведь столь многие погибли от ядов, зверей и хищных королей-рептилий, что почётно умереть и сгореть, а не достаться лесу.

Так не должно было быть. Ни здесь, ни у Пика Гая.

Двенадцать болтеров открыли огонь прежде, чем я смог обернуться.

Я не слышал их. Не чувствовал влажную режущую боль.

Я слышал лишь рёв кретацийского короля-хищника, из челюстей ящера вырывалась ярость, когда он гордо шествовал по джунглям моего родного мира. Огромный карнозавр с чёрной чешуёй рычал на чистое ясное небо.

Он охотился на меня. Вновь, как и давным-давно, в начале моей второй жизни.

Я потянулся за копьём и...

Завьен прижал оружие к груди.

— Это сама смерть, — проворчал он своим братьям по племени, когда они присели в подлеске. Язык Кретацции был простым и ясным, лишь рудиментами истинного языка.

— Король-ящер — сама смерть. Она прийти за нами.

Карнозавр сотряс землю новым медленным шагом. Он вдыхал коротким фырканием, открыв рот и расслабив челюсти, и принюхивался. Серый язык размером с человека колыхался в пасти.

В твёрдой хватке Завьена было сжато копье, которое он сделал сам. Длинное древко из тёмного дерева с обожжённым наконечником. Он использовал его уже три года после своей десятой зимы для охоты ради племени.

Сегодня он охотился не для племени. Сегодня, когда солнце светило и припекало их спины, Завьен охотился потому, что в джунглях были боги, и они наблюдали. Племена видели богов в доспехах из красного металла и чёрного камня, которые всегда были в тених и наблюдали за партиями охотников, которые выслеживали добычу.

Если охотник желал обитать в раю среди звёзд, он должен был охотиться хорошо, когда боги ходили по джунглям.

Завьен пристально смотрел на высоченного ящера и не мог отвернуться от его водянистых красных глаз с длинными разрезами зрачков.

Он сменил хватку на копье, которое сделал.

Молясь, чтобы боги узрели его отвагу, Завьен метнул оружие с прочувственным криком.

Расчленитель рухнул на залитую кровью землю лицом в грязь.

— Прекратить огонь, — тихо сказала сестра супериор Мерси Астаран. Сёстры повиновались без промедления.

— Но он ещё жив, — возразила одна.

Это было правдой. Однорукий воитель дрожащей рукой полз по грязи с крутящей кишки медлительностью. За ним растекался тёмный след из останков брони и крови.

Он вновь поднял дрожащую руку, судорожно вцепился пальцами в землю и подтянулся на полметра ближе к передним дверям горячей церкви.

— Он пытается сбежать? — спросила одна из самых молодых сестёр, не желая признавать своего восхищения стойкостью еретика. Одна рука была оторвана у локтя, обе ноги изуродованы ниже колен, а доспех превратился в треснувшие обломки, которые истекали охладительными жидкостями и густой красной кровью Астартес.

— Едва ли можно спастись, заползая в горящее здание, — засмеялась другая.

— Он хочет умереть среди богохульства, которое создал, — сказала Астаран, чей хмурый вид был ещё суровей в свете пламени, — Прикончить его.

Единственный выстрел прозвучал из строя.

Пальцы Завьена перестали трястись. Протянутая рука упала в грязь. Глаза, которые впервые открылись, чтобы видеть ясные небеса далёкого мира, наконец-то закрылись.

— Что нам делать с телом? — спросила своего командира сестра Мерси Астаран.

— Пусть эхо сей ереси останется как пример, по крайней мере, пока зеленокожие владеют окружающими пустошами. Идём, сёстры, у нас немного времени. Оставьте это ничтожество стервятникам.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=У_Пика_Гая/_/_At_Gaius_Point_\(рассказ\)&oldid=7738](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=У_Пика_Гая/_/_At_Gaius_Point_(рассказ)&oldid=7738)

Эта страница в последний раз была отредактирована 2 ноября 2019 в 23:11.